

УДК 82.091

Г. В. Липин
 Г. В. Лїпін
 G. V. Lipin

*Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара
 Дніпропетровський національний університет імені Олеса Гончара
 Oles Honchar Dnipropetrovsk National University*

**ИЗУЧЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ПОЗИИ НА ЗАПАДЕ:
 ПРИНЦИПЫ КОМПАРАТИВНОЙ ПОЭТИКИ БЭЗИЛА ЧЕМБЕРЛЕНА
 ВИВЧЕННЯ ЯПОНСЬКОЇ ПОЕЗІЇ НА ЗАХОДІ:
 ПРИНЦИПИ КОМПАРАТИВНОЇ ПОЕТИКИ БЕЗІЛА ЧЕМБЕРЛЕНА
 THE STUDY OF JAPANESE POETRY IN THE WEST:
 BASIL CHAMBERLAIN'S COMPARATIVE POETICS**

Досліджено маловідому в сучасному філологічному просторі діяльність видатного англійського японолога-лінгвіста, літературознавця, перекладача японської літератури – Безіла Чемберлена в контексті першого етапу освоєння культури Сходу на Заході. В центрі статті аналіз важливої праці сходознавця – «Басьо та японська поетична епіграма», в якій Чемберлен не тільки простежує історію розвитку японського хайку як жанрового утворення та виявляє склад його відмінних ознак, але й порівнює з жанром західноєвропейської культури – епіграмою, корені якої в античності. Епіграма, яка малим об'ємом, спресованістю своїх смислів розрахована на багатозарове розуміння, обрана ним як найближча паралель хайку не випадково. Чемберлен порівнює не зовнішні, а внутрішньожанрові зближення концентрованих рис цих жанрів, злитість крайньої конкретики та крайньої абстрактності. Видатний японолог в епоху, коли тільки почала розроблятися галузь літературознавчої компаративістики, обрав суто науковий принцип поетикального зіставлення культурно далеких явищ, обґрунтовуючи свій підхід не пошуком альтернативних західних позначень жанру хайку, а ретельним аналізом споріднених структурно-семантичних властивостей.

У центрі його дослідження – творчість відомого японського поета Мацуо Басьо. На відміну від поширених у той час описових культурно-історичних, біографічних підходів до аналізу літературних явищ, Чемберлен зосереджується на ретельному поетикальному аналізі ліричних епіграм Басьо, які супроводжує різномірними перекладами та надає розгорнутий коментар, враховуючи мовні та ментальні особливості західного читача.

Ключові слова: епіграма, хайку, літературна компаративістика, поетика, Басьо, Чемберлен, переклад.

Исследована малоизвестная в современной филологической науке деятельность видного английского японолога-лингвиста, литературоведа, переводчика японской литературы – Бэзила Чемберлена в контексте первого этапа освоения культуры Востока на Западе. В центре статьи анализ важного труда востоковеда – «Басё и японская поэтическая эпиграмма», в котором Чемберлен не только прослеживает историю развития хайку как жанрового образования и выявляет его отличительные черты, но и сравнивает его с жанром западноевропейской культуры – эпиграммой, завещанной античностью. Эпиграмма своим малым объемом, спресованностью смыслов не случайно избрана им как самая близкая параллель жанру хайку. Чемберлен сравни-

вает не внешнюю, а внутрижанровую близость концентрированных черт этих жанров, слитность предельной конкретики и отвлеченности. Выдающийся японолог в эпоху, когда литературная компаративистика только зарождалась, избрал истинно научный принцип поэтологического сопоставления культурно далеких явлений. Его цель – не поиск альтернативных западно-ориентированных обозначений жанра хайку, а пристальный анализ близких структурно-семантических особенностей.

В центре его исследования – творчество известного японского поэта Мацуо Басё. В отличие от распространенных в то время описательных культурно-исторических и биографических подходов к изучению литературных явлений, Чемберлен сосредоточивается на пристальном поэтологическом анализе лирических эпиграмм Басё, сопровождая их разноуровневыми переводами и предлагая развернутый комментарий с учетом языковых и ментальных особенностей западного читателя.

Ключевые слова: эпиграмма, хайку, литературная компаративистика, поэтика, Басё, Чемберлен, перевод.

The paper examines the undervalued philological activity of a prominent British Japanologist – Basil Chamberlain – a linguist, a literary scholar, a translator of the Japanese literature. His writings are viewed within the context of the first Western encounter with the Oriental culture when the East has become a fashionable object of cultural discourse. The article seeks to analyze Chamberlain's academic engagement with haiku genre in the essay «Basho and the Japanese Poetical epigram», examining its generic lineaments. He compares its two essential qualities: brevity and suggestiveness – with an epigram – the genre bequeathed by antiquity. An epigram with its brief condensed witty meanings was chosen not at random but as the closest parallel to haiku. Chamberlain compares the inner form of the genres, their quintessential affinity, organic combination of objectiveness and abstraction. In the epoch when comparative literature was still in swaddling bands, the prominent japanologist attempted to analyze culturally diverse phenomena, introducing the most adequate poetological principle of comparative identification. His starting point was not the search for western genre analogy but the closest analysis of their structural and semantic lineaments. Unlike prevailing historical, cultural, biographical study of literary phenomena, Chamberlain focuses predominantly on the principles underlying the poetics of Basho's lyric epigrams (haiku), supplementing literal semantic translations with detailed commentary and interpretations that were adjusted for linguistic and mental perception of the western readers.

Keywords: epigram, haiku, comparative literature, poetics, Basho, Chamberlain, translation.

Филологическая, переводческая и культурологическая деятельность первого английского японолога Бэзила Холла Чемберлена (1850–1935) – малоизвестная страница современной гуманитаристики. Это объясняется, с одной стороны, безмерным почитанием в Японии Лафкадио Хёрна (1850–1904), принявшего японское гражданство и японское имя и затмившего славою своего друга и покровителя, много сделавшего для его карьеры в Японии. Анализу вклада Хёрна в «открытие» Японии была посвящена наша предыдущая статья [1, с. 190–196]. В. Б. Мейсон с горечью как-то заметил, что потомки будут помнить Чемберлена, которого зачастую называли «villain», только благодаря его дружбе с Хёрном. Для восторженного интерпретатора Японии эта страна – нежный экзотический цветок, для ученого-японолога, полиглота Чемберлена – предмет многостороннего научного изучения. Не вызывает сомнений, что такие разные подходы к освоению японской культуры не исключают, а дополняют друг друга.

Так, анализируя японский язык в сопоставлении с другими, Чемберлен видит малозаметные тонкости грамматики: «comparison in the Japanese language is more

often implicit than explicit» [4, p.128], а изучая историю развития японской поэзии в сопоставлении с европейской, он, как и Хёрн [6, p. 191], находит много жанровых аналогий с европейской эпиграммой, балладой, элегией. Он был первым переводчиком «Кодзики», первопроходцем в области научного японского языка, исследователем-компаративистом.

Интенсивная переписка Хёрна и Чемберлена отражает многие перипетии их дружбы и зреющего разрыва. Чемберлен, как истинный викторианец, гражданин Великой империи, критично относился как к романтической восторженности Хёрна созерцательной мудростью японской культуры, так и к его критике западного прагматизма. Чемберлен искренне любил и «свой Запад и свой Восток», но критически относился к «jingo patriotism» [9, p. 108–109]. Исследователь Ота Юзо отмечает: «Chamberlain defends Japanese classical literature at a time when the Japanese themselves placed little value on it» [10, p. 48].

С другой стороны, для исследователей-не-востоковедов японологические наблюдения Чемберлена, которого по праву считают «the father of Japanese linguistics» [10, p. 1], малопонятны, поэтому и его открытия в области японского языка, литературы, культуры остаются недооцененными. Он постигал японскую культуру без экзальтации и идеализации, путем научного поиска, проникая в глубины языка. Это вызывало уважение японцев, и Чемберлен стал первым иностранцем (*oyatoi gaikokujin*), которому присвоили звание профессора Emeritus Токийского университета.

Заслуги Чемберлена в постижении японского языка и литературы исследователи отмечали, но серьезным изучением не занимались. Касуя Шигетоши прямо указывает на существующее «underevaluation of Chamberlain and overevaluation of Hearn» [7, p. 478]. Некоторые исследователи видят в нем лишь «академического ориенталиста» («academic orientalist») [8, p. 508–510], с западноцентричных позиций интерпретирующего Японию. На фоне романтической любви Хёрна к этой стране рационально-аналитическая позиция Чемберлена, его «deep-rooted love for Japan» [10, p. 3] вызывала понимание и уважение прежде всего у специалистов.

Он читал лекции по лингвистике, которая только зарождалась, знакомил своих студентов с принципами компаративистики в филологии, переводил японскую классику. В его многочисленных филологических трудах отразился новаторский исследовательский поиск. Среди многочисленных работ ученого-японолога, в числе которых и справочники, и путеводители («Japanese Things: Being Notes on Various Subjects Connected with Japan», 1890; «A handbook for travelers in Japan», 1891), выделяются его переводы из японской литературы, исследования по японской филологии: «Japanese fairy tale collection», 1896; «Aino folk-tales», 1888; «The classical poetry of the Japanese», 1880; «Japanese literature», 1900; «The language, mythology, and geographical nomenclature of Japan viewed in the light of Aino studies. Including "An Aino grammar", 1887; «A practical introduction to the study of Japanese writing», 1899; «A romanized Japanese reader: consisting of Japanese anecdotes, maxims, etc., in easy written style; with an English translation and notes», 1886; «A simplified grammar of the Japanese language (modern written style)», 1886.

Бэзил Чемберлен признан самым авторитетным исследователем в области японской филологии начала XX в. Его разносторонний филологический талант исследователя, переводчика, интерпретатора проявился в объемной работе «Басё и японская поэтическая эпиграмма» (1902), в которой представлены не только история поэтических жанров, биографии поэтов, отзывы критиков, собственные переводы из Басё (всего 30) и других поэтов с развернутой трактовкой глубоко

скрытых смыслов, но и изложены принципы компаративного рассмотрения жанра хайку как эпиграммы. Эта, остающаяся, к сожалению, малоизвестной профессиональная работа японоведа-компаративиста, а не только популяризатора Японии, заслуживает самого пристального изучения и оценки.

Б. Чемберлен соотносил открытое им в японской литературе с явлениями в западной культуре не за неимением лучших соответствий, как это зачастую происходит при изучении литератур Дальнего Востока, когда, например, *цы* – жанр средневековой китайской поэзии – именуют «романсом». Для него главным всегда был внутрилитературный критерий, сходство в самой природе поэтической мысли. Этот принцип – в основе его сближений некоторых стихов из «Манъёсю» с балладами, а хайку – с элегиями и эпиграммами. При этом он оставался противником «европеизации» японской культуры и литературы. В работе «Все японское» («*Things Japanese: Notes on Various Subjects Connected with Japan*», 1890) он с горечью отмечает, что многое в современной японской литературе читается как перевод с английского – так как в произведениях много «europeanisms»: «Even when perusing an original production, one might often take it for a translation, so saturated is it apt to be with 'Europeanisms'. An effort was made a few years ago to Europeanise even poetry, by the introduction of rhyme and by other innovation» [5, p. 214]. В жанре эпиграммы, завещанной античностью, он находит самую близкую параллель жанру хайку, уточняя такое сближение и отделяя от другой линии развития жанра эпиграммы как язвительной насмешки: «...in default of better equivalent, I venture to translate by 'Epigram', using that term, not in the modern sense of a pointed saying..., but in its earlier acceptation as denoting any little piece of verse that expresses a delicate or ingenious thought» [3, p. 243].

Б. Чемберлен в начале XX в. одним из первых предпринял историко-литературное изучение жанра хайку в контексте развития японской литературы, выявляя характерные признаки жанра, отходя, таким образом, от принципов культурно-исторической, биографической школы в изучении литературы. Он выявил главные характеристики японского хайку, соотнося с классической эпиграммой западной культуры. Свое исследование он начинает с разбора самой «энергетической» (по мысли Ю. Тынянова [2, p. 169]), черты жанра – объема хайку и эпиграммы. Чемберлен, отмечая малый объем жанров, подчеркивает общее поэтическое свойство – глубину смыслов, «открытость» текста, видя в этом главный конструктивный признак. В своем переводе он приводит хайку Нозава Бонтё – ученика Басё (умер в 1714) (не упоминая имени поэта): «*Naga-naga to/ Kawa hito-suji ya/ Yuki no hara*» («*A single river, stretching far / across the moorland [swathed] in snow*»), демонстрируя радикальное отличие этого жанра от дискурсивной поэзии Запада того времени: «No assertion, you see, for the logical intellect, but a natural scene outlined in three strokes of the brush for the imagination or memory» [3, p. 244]. Чемберлен акцентирует национальную особенность поэтического мышления, стремление к «ultrabrevity», отмечая, что «sustained style» европейской поэзии не смог бы пропаст на японской почве: «The Japanese are undoubtedly Raphaels of fishes, and insects, and flowers, and bamboo-stems swaying in the breeze» [5, p. 40].

Обосновывая поэтическую ценность хайку и отвечая близоруким исследователям, считающим, что хайку – «not pearls», Чемберлен обращается к отдельным полу-стансам Теннисона «*In Memoriam*» («*The last red leaf is whir'd away,/ the rooks are blown about the skies*» [3, p. 307]), подчеркивая принципиальное отличие («a vital difference»): полу-стансы Теннисона – часть величественного и органичного целого, «Дворца искусства», – японская же эпиграмма – «всего лишь беспорядоч-

но разбросанные одинокие камни, полу-камни, к тому же» [3, p. 307]. Но японская эпиграмма – не поэтическая малость: «Japanese epigram is a loop-hole opened for an instant on some little natural fact, some incident of daily life. It is a momentary flash, a smile half-formed, a sigh suppressed almost before it becomes audible... May not the Japanese epigram itself remind us of these frail objects? It appears now as a tiny herb or flower on our path, now as some brilliant insect which hovers for a moment...» [3, p. 305–309].

Обращаясь к истории жанра хайку и сопоставляя с жанром эпиграммы, Чемберлен выделяет константные черты этого жанра: fragmentary form, ultrabrevity, pillow-words, far-reaching effect, condensation, knack of hinting rather than describing [3, p. 308]. Он намеренно заменяет обозначение «хайку» на «японская эпиграмма», подчеркивая близость жанров, выделяя два главных свойства: первое – это полная свобода в выборе и предмета и стиля описания; и второе – незавершенность мысли автора, воплощенная в эллипсах, поддерживающих неясность смыслов («to the verge of obscurity») [3, p. 261], рождая у читателя ожидание продолжения мысли. Именно это структурно-семантическое свойство – проявленность игры ума, смысловой контраст, парадоксальная несогласованность вещи и мысли, двухчастность – дает ему основание сближать эпиграмму и хайку. Чемберлен обращает внимание на долгую историю комментаторской работы исследователей, на то, что сами японцы настойчиво стремились найти объяснение этим загадочным стихам, в которых «сверхсжат» («overcondensed») смысл [3, p. 262]).

В центре исследования Чемберлена творчество корифея этого жанра – Мацуо Басё. Анализ отличительных особенностей его эпиграмм сопровождается не только собственными разноуровневыми переводами (дословно точными и развернуто конспективными), но и рекомендациями по переводу и пониманию. Изучение этой важной линии деятельности японолога-переводчика – задача отдельного исследования.

Чемберлен по крупицам собрал высказывания Басё об этом жанре, скрупулезно выстраивая созданную им поэтику хайку: «Let your epigrams spring from the heart rather than from art... Many men there are who can turn a phrase; there are few who observe the heart's rules... Style should be natural, with a graceful turn... Let your epigrams resemble a willow-branch struck by a light shower... flow spontaneously [3, p. 287–288].

В концентрированной форме в небольшом по объему разделе о Басе он выделил самые яркие черты его поэтики, которые в дальнейшем станут предметом анализа жанра хайку будущими исследователями. Одна из важнейших особенностей его эпиграмм – сложно проявленный «внутренний смысл» («inner meaning») [3, p. 279], отказ от литературных конвенций своего времени и своего народа («free himself from the literary conventions of his time and nations») [3, p. 280]. В его хайку, отмечает Чемберлен, нет ни величественных образов Фудзи, ни cherry-blossoms [3, p. 286]. Особый смысл он видит в отказе поэта от предписанных традицией законов композиции жанра хайку [3, p. 287], усматривая реформаторскую формулу лирических миниатюр в высказывании самого поэта: «fu-cki gyu-ko» («unchanging truth in fleeting form») [3, p. 287]).

Анализируя и переводоведчески комментируя осеннюю хайку поэта («kare-eda ni/ Karasu no tomari-keri/ Aki no kure»), он утверждает, что это и есть эпиграмма в прямом смысле слова («This was an epigram in a literal sense of the world having been inscribed on a sketch of three crows huddling on a leafless branch» [3, p. 288]). Чемберлен подчеркивает, что литературный статус эпиграммы явно занижен,

исследователи не видят, что этот жанр тоже отражает вселенную, хотя и иначе. Семантическая несогласованность двухчастной организации – это не отсутствие гармонизованной структуры, а особое искусство дискретной поэзии. Чемберлен подчеркивает, что в емкости японской эпиграммы воплощено концентрированное свойство поэзии, превращение события, ощущения из неуловимого в осязаемое. Эта близость хайку с жанром эпиграммы значительнее, чем отличие. Работа Чемберлена «Басе и японская лирическая эпиграмма» может рассматриваться как составная часть первого этапа широких сравнительных исследований классической японской и западноевропейской лирики начала XX в. Выдающийся японолог в эпоху, когда литературная компаративистика только зарождалась, избрал истинно научный принцип поэтологического сопоставления культурно далеких явлений. Его цель – не поиск альтернативных западно-ориентированных обозначений жанра хайку, а пристальный анализ близких структурно-семантических особенностей. Выдающиеся заслуги Чемберлена-японолога неотделимы от его прозрений филолога-компаративиста.

Библиографические ссылки

1. **Липин Г.В.** Открытие Японии в американской литературе: Лафкадио Хёрн – культуртреггер и интерпретатор двух миров / Г.В. Липин // Англїстика та американїстика. – Дніпропетровськ: Ліра, 2015. – С. 190–196.
2. **Тынянов Ю.Н.** Литературная эволюция : избранные труды / Ю. Тынянов [Сост., вступ. ст., коммент. В.И. Новикова]. – М. : Аграф, 2002. – 496 с.
3. **Chamberlain Basil.** Basho and the Japanese Poetical Epigram / Basil Chamberlain // Transactions of the Asiatic Society of Japan. – 1902. – Vol. 2. – № 30. – P. 243–361.
4. **Chamberlain Basil.** A Handbook of Colloquial Japanese / Basil Chamberlain. – Cambridge : Cambridge University press [1888], 2015. – 487 p.
5. **Chamberlain Basil.** Things Japanese being Notes on Various Subjects Connected With Japan / Basil Chamberlain [1898] – L. : Kegan Paul International, [1898] 2001. – 568 p.
6. **Gale Robert L.** A Lafcadio Hearn Companion / Robert L. Gale. – L. : Greenwood Press. – 269 p.
7. **Kasuya Shigetoshi.** Nezumi wa mada ikiteru: Chenbaren no denki / Shigetoshi Kasuya. – Tokyo : Yushodo, 1986.
8. **Minear Richard H.** Orientalism in the Study of Japan / Richard H. Minear // Journal of Asian Studies. – 1980. – Vol. 39. – № 3. – P. 507–517.
9. **More** Letters from D.H. Chamberlain to L. Hearn. – Tokyo : Hokuseido, 1937. – P. 108–109.
10. **Ota Yuzo.** Basil Hall Chamberlain: Portrait of a Japanologist / Yuzo Ota. – Richmond, Surrey : Japan Library, 1998. – 205 p.

Надійшла до редколегії 02.11.2015